

ГЛАВА I

С самого начала путешествие не предвещало ничего доброго. Поднятый с постели в холодное мартовское утро (на дворе был лютый мороз), я вышел из отеля, проехал Балтимор и явился на пристань как раз вовремя. В девять часов катер должен был перевезти меня через бухту и доставить на борт «Эльсиноры», и я, промерзший насквозь, сидел в таксомоторе и с возрастающим раздражением ждал. На наружном сиденье ежились от холода шофер и мой Вада при температуре на полградуса, пожалуй, еще ниже, чем внутри. А катер все не показывался.

Поссум, щенок-фокстерьер, легкомысленно навязанный мне Гэлбрейтом, скулил и дрожал под моим теплым пальто и меховым плащом и ни за что не хотел утомиться. Он не умолкая визжал и царапался, стараясь вырваться на свободу. Но стоило ему высунуть мордочку и почувствовать укусы мороза, как он снова и так же настойчиво принимался визжать и царапаться, заявляя о своем желании вернуться в тепло.

Этот непрекращающийся визг и беспокойная возня действовали отнюдь не успокоительно на мои натянутые нервы. Начать с того, что этот зверек нисколько не был мне интересен. Я его не знал и не питал к нему нежных чувств. Несколько раз, утомленный ожиданием, я был уже готов отдать его шоферу. А один

раз, когда мимо нас проходили две девочки (должно быть, дочери смотрителя пристани), я потянулся было к дверце мотора, чтобы подозвать их и презентовать им это несносное скулящее существо.

Этот прощальный подарок Гэлбрейта привезен был из Нью-Йорка экспрессом и явился в мой отель сюрпризом накануне ночью. Обычная манера Гэлбрейта. Что стоило ему поступить прилично, как все люди, и прислать мне фруктов или... даже цветов. Так нет же: дружеские чувства его любящего сердца непременно должны были выразиться в образе визжащего, твякающего двухмесячного щенка.

Черт бы побрал эту собаку! Черт бы побрал и Гэлбрейта! И, замерзая в моем моторе на этой проклятой пристани, открытой всем ветрам, я заодно проклинал и себя, и сумасбродную свою затею объехать на парусном судне вокруг мыса Горн.

Около десяти часов на пристань явился пешком неопишемого вида юноша с каким-то свертком в руках, который через несколько минут был передан мне смотрителем пристани. «Это для лоцмана», — сказал он и дал шоферу указания, как добраться до другой пристани, откуда через неопределенное время меня должны будут доставить на «Эльсинору» другим катером. Это только усилило мое раздражение. Почему же не уведомили меня об этом раньше?

Через час, когда я все еще сидел в автомобиле, но уже на другой пристани, наконец явился лоцман. Я не мог себе представить ничего менее похожего на лоцмана. Передо мной стоял уж никак не сын моря в синей куртке, с обветренным лицом, а сладкоречивый джентльмен, чистейший тип преуспевающего дельца, каких можно встретить в каждом клубе. Он тотчас же представился мне, и я предложил ему место в моем

промерзшем моторе рядом с Поссумом и багажом. Перемена в расписании произошла по распоряжению капитана Уэста — вот все, что было ему известно. Впрочем, он полагал, что пароходик придет за нами рано или поздно.

И он пришел в час дня, после того как я был принужден прождать на морозе четыре убийственных часа. За это время я окончательно решил, что возненавижу капитана Уэста. Правда, мы с ним ни разу еще не встречались, но его обращение со мной с самого начала было по меньшей мере развязным. Еще в то время, когда «Эльсинора», вскоре по прибытии из Калифорнии с грузом ячменя, стояла в бассейне Эри, я приезжал из Нью-Йорка нарочно, чтобы ознакомиться с судном, которому предстояло много месяцев быть моим домом. Я пришел в восторг и от судна, и от устройства кают. Вполне удовлетворяла меня и выделенная мне офицерская каюта, оказавшаяся даже просторнее, чем я ожидал. Но когда я заглянул в каюту капитана, то был поражен царившим в ней комфортом — достаточно упомянуть, что дверь из нее открывалась прямо в ванную и что в числе другой удобной мебели там стояла большая бронзовая кровать, присутствие которой никак нельзя было подозревать на судне дальнего плавания.

Естественно, я решил, что и эта ванная, и эта чудная кровать должны быть моими. Когда я попросил моих агентов уладить это дело с капитаном, они, как мне показалось, смутились и не выразили ни малейшей готовности исполнить мою просьбу.

— Я не имею понятия, во сколько это мне обойдется, но это не важно, — сказал я. — Полторацента долларов или пятьсот — все равно: я готов заплатить, если мне отдадут эту каюту.

Мои агенты Гаррисон и Грей посоветовались между собою и затем высказались в том смысле, что едва ли капитан Уэст пойдет на эту сделку.

— В первый раз слышу о таком капитане морского судна, который может на это не согласиться, — заявил я убежденно. — Капитаны всех атлантических линий постоянно продают свои каюты.

— Но капитан Уэст не из тех, которые служат на атлантических линиях, — заметил мягко мистер Гаррисон.

— Не забывайте, что мне придется много месяцев прожить на судне, — возразил я. — Ну предложите ему тысячу, если нужно.

— Попытаемся, — сказал мистер Грей. — Но предупреждаем: не слишком полагайтесь на результат наших попыток. Капитан Уэст в данный момент в Сирс-порте, и мы сегодня же напишем ему.

Спустя несколько дней мистер Грей зашел ко мне и сообщил, к моему удивлению, что капитан Уэст отклонил мое предложение.

Через день я получил письмо от капитана Уэста. И почерк, и язык были старомодны, тон — официальный. Он выражал сожаление, что мы с ним до сих пор не встречались, и спешил заверить меня, что лично присмотрит за тем, чтобы мое помещение было удобным. Он уже сделал на этот счет некоторые распоряжения: написал мистеру Пайку, старшему своему помощнику на «Эльсиноре», чтобы тот приказал снять переборку между отведенной мне офицерской каютой и такой же свободной каютой, смежной с ней. Затем — с этого-то и началась моя антипатия к капитану Уэсту — он добавлял, что, если я все-таки буду недоволен моим помещением, когда мы выйдем в море, он охотно уступит мне свою каюту.

Конечно, после такого отпора я решил, что ничто не принудит меня воспользоваться бронзовой кроватью капитана Уэста. И это был тот самый капитан Натаниэль Уэст, которого я в глаза не видал и который теперь продержал меня на морозе целых четыре невыносимых часа. «Чем меньше я буду видеть его во время плавания, тем лучше», — думал я. И не без удовольствия я вспомнил об огромном количестве ящиков с книгами, отправленных мной на «Эльсинору» из Нью-Йорка. Слава богу, я не зависел ни от каких капитанов: у меня было чем развлечься и без них.

Я передал Поссума Ваде, сидевшему рядом с шофером, и, пока матросы перетаскивали на пароходик мой багаж, лоцман повел меня знакомиться с мистером Уэстом. С первого же взгляда мне стало ясно, что он был таким же капитаном, как этот лоцман — лоцманом. Видал я лучших представителей этой породы — капитанов пассажирских пароходов, — этот подходил на них не больше, чем на тех широколицых, горластых шкиперов, про которых мне случалось читать в книгах. Рядом с ним стояла женщина. Но ее почти не было видно: это был какой-то цветной ком из великолепной теплой шубы, огромной муфты и боа из красной лисицы, в котором она исчезала почти без остатка.

Я бросился к лоцману.

— Господи боже! Его жена! — в ужасе прошептал я. — Едет с нами?

— Это его дочь, — объяснил мне шепотом лоцман. — Должно быть, проводить его пришла. Жена его умерла больше года назад. Оттого-то, говорят, он и вернулся к морю, а то он, знаете, в отставку было вышел.

Капитан Уэст двинулся мне навстречу, и, прежде чем соприкоснулись наши протянутые руки, прежде чем на его лице появилась любезная улыбка, прежде чем зашевелились его губы, чтобы заговорить, я почувствовал необычайную силу его личности. Высокий, сухоощавый, с породистым лицом, он был холоден, как этот холодный день, самоуверен, как король или император, далек, как самая далекая звезда, бесстрастен, как теорема Евклида. И вдруг, за один миг до того как встретились наши руки, в его зрачках зажглась чуть заметная искорка сдерживаемой веселости, разгладившая мелкие морщинки вокруг глаз; светлая лазурь этих глаз потемнела, словно согретая приливом внутренней теплоты, и все лицо смягчилось: тонкие губы, за секунду перед тем крепко сжатые, разом приняли то милое выражение, какое бывает у Сары Бернар, когда она начинает говорить.

Так сильно было первое мое впечатление от наружности капитана Уэста, что я почти ожидал от него каких-то несказанно мудрых и проникновенных слов. Однако не услышал ничего, кроме самых обычных извинений. Он высказал свое сожаление по поводу случившейся задержки, но сказал это таким голосом, который был для меня новым сюрпризом. Голос был низкий и мягкий, пожалуй, слишком низкий, но ясный, как звук колокольчика, и чуть-чуть носовой, отдаленно напоминавший говор старой Новой Англии.

— И в задержке виновата вот эта молодая особа, — закончил он, представляя меня своей дочери. — Маргарет, это мистер Патхерст.

Из лисьего меха быстро высвободилась ручка в перчатке, чтобы пожать мою руку, и я встретился взглядом с парой серых глаз, смотревших на меня пристально и серьезно. Меня смутил этот холодный,

пытливый, пронизательный взгляд. Нельзя сказать, что он был вызывающим, но он был оскорбительно деловым. Так смотрят на нового кучера, которого собираются нанять. Я не знал тогда, что она едет с нами и что вследствие этого ее желание узнать, каков человек, который на полгода станет ее попутчиком, было естественно. Впрочем, она тотчас же поняла неловкость своего поведения, и ее глаза и губы улыбнулись при первых же ее словах.

Когда мы взошли на пароход и направились к каюте, я услышал, что Поссум, слабо подвывавший перед тем, отчаянно визжит, и прошел вперед сказать Ваде, чтобы он прикрыл его потеплее. Ваду я застал хлопочущим около моего багажа: он старался с помощью моей маленькой автоматической винтовки втиснуть мой чемодан между чьими-то сундуками. Я был поражен наваленной на палубе горой вещей, перед которой мой багаж совершенно терялся. «Судовые запасы», — было первой моей мыслью, но, когда я разглядел, какое множество тут было всевозможных сундуков, чемоданов, баулов, картонок и свертков, мне пришлось отбросить эту мысль. На одной из укладок, подозрительно смахивавшей на картонку для дамских шляпок, мне бросились в глаза инициалы М. У. А между тем имя капитана Уэста было Натаниэль. При ближайшем исследовании я нашел на нескольких укладках инициалы Н. У., но на всех остальных стояло М. У. Тогда я вспомнил, что он назвал ее Маргарет.

Это так меня рассердило, что мне не захотелось входить в каюту, и я принялся шагать по палубе взад и вперед, кусая губы с досады. Ведь я, кажется, определенно договаривался с агентами, чтобы с нами в этом плавании не было никакой капитанской жены. При отсутствии женщины в корабельных каютах было по-

следней приманкой под солнцем, которая могла бы меня соблазнить. Но мне не приходило в голову, что у капитана может быть дочка. Я почти был готов отказаться от путешествия и возвратиться в Балтимор.

Пока я расхаживал по палубе и встречный ветер, усиленный быстрым движением парохода, пронизывал меня насквозь, я увидел мисс Уэст. Она шла по узкой палубе мне навстречу, и меня невольно поразила ее упругая, живая походка. В ее лице, несмотря на резкие его очертания, было что-то хрупкое, не гармонировавшее с ее крепкой фигурой. О последней, во всяком случае, можно было судить по ее манере двигаться, меж тем как контуры ее тела совершенно исчезали под бесформенной массой мехов.

Я круто повернул в обратную сторону и с мрачным видом погрузился в созерцание горы багажа. Один огромный ящик привлек мое внимание, и я рассматривал его, когда она заговорила у моего плеча.

— Вот из-за этой вещи и вышла задержка, — сказала она.

— А что в этом ящике? — спросил я, чтобы что-нибудь сказать.

— Пианино с «Эльсиноры». Как только я решила ехать, я телеграфировала мистеру Пайку — это, знаете, наш старший помощник, — чтобы он отдал его в починку. Он сделал все, что мог. Задержка случилась по вине мастерской. Ну ничего: сегодня, пока мы ждали, они получили от меня такую нахлобучку, что не скоро забудут.

Она засмеялась при этом воспоминании и принялась рыться в багаже, видимо, отыскивая что-то. Удостоверившись, что нужная ей вещь на месте, она повернула было обратно, но вдруг остановилась и сказала:

— Отчего вы не пройдете в каюту? Там тепло. Нам идти еще по крайней мере полчаса.

— Когда вы решили отправиться в это плавание? — спросил я резко.

По быстрому взгляду, который она бросила на меня, я увидел, что она в этот момент поняла мою досаду.

— Два дня назад, — ответила она. — А что?

Ее готовность отвечать на вопросы обезоружила меня, но, прежде чем я успел заговорить, она продолжала:

— Напрасно вы волнуетесь из-за моей поездки, мистер Патхерст. Дальние плавания мне, вероятно, привычнее, чем вам, и вот увидите — все мы устроимся удобно и весело проведем время. Вы ничем не можете досадить мне, а я обещаю не досаждать вам. Мне и раньше случалось плавать с пассажирами, и я научилась мириться с такими вещами, с которыми не могли мириться многие из них. Так вот, давайте сразу действовать начистоту, тогда нам нетрудно будет и продолжать в том же духе. Я знаю, в чем дело. Вы боитесь, что вам придется занимать меня. Так, пожалуйста, знайте, что мне не нужно, чтобы меня занимали. Самое длинное путешествие никогда не казалось мне слишком длинным, и даже к концу всегда оказывалось много такого, чего я не доделала в пути. Так что мне некогда будет скучать... и я не играю в бирюльки.

ГЛАВА II

«Эльсинора», только что нагруженная углем, очень глубоко сидела в воде, когда мы причалили к ней. Я слишком мало понимал в морских судах, чтобы восторгаться ее линиями, да и, кроме того, был не в том настроении, чтобы вообще чем-нибудь востор-

гаться. Я все еще решал и не мог решить вопрос, не отказаться ли мне от моей затеи и не вернуться ли на берег на парходике. Из этого, однако, отнюдь не следует, что я был нерешительным человеком. Наоборот.

Все дело было в том, что уже с первого момента, когда у меня мелькнула мысль о путешествии, оно не слишком манило меня. А ухватился я за него потому, что ничто другое меня не привлекало. С некоторого времени жизнь потеряла для меня свою прелесть.

Коротко говоря, я пустился в это плавание потому, что уехать было легче, чем остаться. Но и все остальное было, на мою погибель, одинаково легко. В этом-то и заключалось проклятие тогдашнего моего настроения. Вот почему, шагая по палубе «Эльсиноры», я уже подумывал распорядиться, чтобы мой багаж оставили там, где он был, и распрощаться с капитаном Уэстом и его дочерью.

Я склонен думать, что конец моим колебаниям положила радушная, приветливая улыбка, какую одала меня мисс Уэст, перед тем как повернула обратно к каюте, да еще мысль о том, что там, в каюте, должно быть, в самом деле очень тепло.

Мистера Пайка, старшего помощника капитана, я уже видел в первое мое посещение «Эльсиноры», когда она стояла в бассейне Эри. Теперь он улыбнулся мне деревянной, похожей больше на гримасу улыбкой, которую как будто через силу выдавил из себя. Но он не выказал желания пожать мне руку и тотчас же отвернулся, отдавая приказания десятку полузамерзших с виду людей — взрослых и юношей, — лениво выползавших откуда-то. Мистер Пайк выпил — это было ясно. У него было распухшее, зеленоватобледное лицо, и его большие серые глаза смотрели мрачно и были налиты кровью.

Я все еще колебался, уныло наблюдая за тем, как перетаскивали на борт мои вещи, и браня себя за малодушие, мешавшее мне произнести те несколько слов, которые положили бы конец всей этой канители. Ни один из людей, переносивших вещи в каюту, не отвечал моему представлению о матросах. По крайней мере, на пассажирских судах я не видал ничего похожего на них.

Один из них, юноша лет восемнадцати, с необыкновенно выразительным лицом, улыбнулся мне своими чудесными итальянскими глазами. Но он был карлик — такой крошечный, что весь исчезал в высоких сапогах и непромокаемой куртке. «Он не чистокровный итальянец», — решил я. Я был твердо в этом уверен, но все-таки обратился за подтверждением к помощнику капитана, и тот ответил ворчливо:

— Который? Вон тот коротышка?.. Да, он полукровка: второй своей половиной японец или малаец.

Один старик — боцман, как мне потом сказали, — был такой инвалид, что я подумал, не был ли он искалечен при каком-нибудь несчастном случае. У него было тупое, бычье лицо. Он с трудом волочил по палубе свои сапожищи и через каждые несколько шагов останавливался, прижимал обе руки к животу и резким движением подтягивал его кверху. За многие месяцы нашего плавания я тысячу раз видел, как он проделывал эту штуку, и только позднее узнал, что у него ничего не болело, а просто была такая привычка. Его лицо напоминало о дурачке из сказки. И имя было какое-то странное: его звали, как я узнал потом, Сандри Байерс. И этот-то человек был боцманом прекрасного парусного судна «Эльсинора», считавшегося одним из лучших американских парусных судов!

Из всей этой кучки людей — взрослых, пожилых и юношей, — перетаскивавших наш багаж, только

один, юноша лет шестнадцати, по имени Генри, хоть сколько-нибудь приближался к тому представлению, какое я составил себе о моряках.

Большая часть команды еще не прибыла на борт. Ее ожидали каждую минуту, и сердитое ворчание старшего помощника по поводу этой новой задержки наводило на дурные предчувствия. Тех из команды, кто уже явился на судно, набрали с бору по сосенке. Это был всякий сброд. Нанялись они еще в Нью-Йорке, и не через какую-либо контору, а каждый сам по себе. «Бог знает, какой окажется и вся-то команда», — говорил мистер Пайк.

Карлик-полукровка, помесь японца или малайца с итальянцем, по словам того же мистера Пайка, был хороший моряк, хотя раньше он плавал на пароходах, а на парусном судне служил в первый раз.

— Настоящие моряки! Вишь чего захотели! — фыркнул мистер Пайк в ответ на мой вопрос. — Таких мы не берем. Забудьте и думать о них. У нас береговой народ. В наше время всякий мужик, любой подпасок, сойдет за моряка. Их нанимают как настоящих моряков и платят им жалованье. Торговый наш флот пропал — отправился ко всем чертям. Нет больше моряков; все они перемерли давным-давно, еще прежде, чем вы родились.

Дыхание мистера Пайка отдавало свежесвыпитым виски. Однако он не шатался и вообще не обнаруживал никаких признаков опьянения. Впоследствии я узнал, что он вообще не отличается болтливостью и только в пьяном виде дает волю своему языку.

— Лучше было бы мне давно умереть, чем дожить до такого позора, — продолжал он. — Каково мне видеть теперь, как и моряки наши, и суда все больше отвыкают от моря!

— Но ведь «Эльсинора», кажется, считается одним из лучших судов, — заметил я.

— Да, по нашему времени. Но что такое «Эльсинора»? Несчастный грузовик. Она строилась не для плаваний, а если бы даже она и годилась для плаваний, так все равно нет моряков, чтобы плавать на ней. О господи, господи! Как вспомнишь наши старые клипера!.. «Боевой петух», «Падающая звезда», «Летучая рыба», «Морская волшебница», «Шотландская борзая», «Харви Бёрч», «Нырок», «Северное сияние», «Морской змей»... То-то были суда, не нынешним чета! А взять хоть прежние флотилии клиперов, торговавших чаем, что нагружались в Гонконге и делали рейсы в восточных морях. Это красота была, красота!

Я был заинтересован. Передо мной оказался человек, живой человек. И я не торопился вернуться в каюту, где, я знал, Вада распаковывал мои вещи, а продолжал ходить по палубе с огромным мистером Пайком. Он был в самом деле великан во всех смыслах: широкоплечий, ширококостный и, несмотря на то что он сильно горбился, ростом никак не меньше шести футов.

— Вы великолепный экземпляр мужчины, — сделал я ему комплимент.

— Был когда-то, — пробормотал он с грустью, и в воздухе разнесся крепкий запах виски.

Я украдкой взглянул на его узловатые руки. Из каждого его пальца можно было бы выкроить три моих; из каждого его кулака — три моих кулака.

— Много ли вы весите? — спросил я.

— Двести десять. А в лучшие мои дни я вытягивал до двухсот сорока.

— Так «Эльсинора», говорите вы, плохо плавает? — сказал я, возвращаясь к той теме, которая так оживила его.

— Готов побиться об заклад на что угодно, от фунта табаку до моего месячного жалованья включительно, что она не закончит рейса и в полтора дня, — проговорил он. — А вот в былые дни мы на «Летучем облаке» в восемьдесят девять дней — в восемьдесят девять дней, сэр! — прошли весь путь от Сэнди-Хука до Фриско. Шестьдесят человек команды — и каких людей! Да еще восемь юнг. И уж летели мы, летели! Триста семьдесят четыре мили в день при попутном ровном ветре, а в шторм не меньше восемнадцати узлов в час. За восемьдесят девять дней перехода никто не мог нас обогнать. Один только раз, уже спустя девять лет, нас обогнал «Эндрю Джексон»... Да, было времечко!..

— В каком году вас обогнал «Эндрю Джексон»? — спросил я, поддаваясь все возрастающему подозрению, что он морочит меня.

— В тысяча восемьсот шестидесятом, — ответил он не задумываясь.

— Вы, значит, плавали на «Летучем облаке» за девять лет до этого, а теперь у нас тысяча девятьсот тринадцатый год. Стало быть, это было шестьдесят два года тому назад, — высчитал я.

— Да, мне было тогда семь лет. — Он засмеялся. — Моя мать служила горничной на «Летучем облаке». Я родился в море. Двенадцати лет я уже служил юнгой на «Вестнике утра», когда он сделал круговой рейс в девяносто девять дней. И все это время половина команды была закована: пять человек мы потеряли у мыса Горн; у всех у нас ножи были обломаны; трех человек в один и тот же день пристрелили офицеры; второй помощник был убит наповал, и никто так и не узнал, чьих это рук дело. А мы летели и летели вперед. Девяносто девять дней мчались от гавани к гавани.

ни, семнадцать тысяч миль отмахали с востока на запад и обогнули Суровый мыс¹.

— Но ведь тогда выходит, что вам шестьдесят девять лет, — вставил я.

— Да, так оно и есть, — подтвердил он с гордостью. — И вот я в мои годы больше похож на мужчину, чем все эти нынешние юнцы. Все их чахлое поколение перемерло бы от первой такой переделки, через какие прошел я. Слыхали вы когда-нибудь о «Солнечном юге»? Это тот клипер, что был продан в Гаване под перевозку невольников и переименовал свое название на «Эмануэлу».

— Вы, значит, плавали по Среднему пути?² — воскликнул я, припомнив это старинное название.

— Да, я был на «Эмануэле» в Мозамбикском проливе в то время, когда нас настиг «Быстрый» и в трюме у нас было запрятано девятьсот человек черных. Только ни за что бы ему не нагнать нас, будь он не паровым, а парусным судном.

Я продолжал шагать рядом с этой массивной реликвией прошлого и выслушивать обрывки воспоминаний о добром старом времени, когда жизнь человеческая не ставилась ни во что. С трудом верилось, что мистер Пайк действительно так стар, как он говорил, но, когда я внимательно поглядел на его сутулые плечи и на то, как он по-стариковски волочит свои огромные ноги, я вынужден был поверить, что он не прибавляет себе лет. Он заговорил о капитане Сомерсе.

— Великий был капитан, — сказал он. — За два года, что я плавал с ним в качестве его помощника, я не пропустил ни одного порта, чтобы не удрать с судна.

¹ *Суровый мыс* — так называют английские моряки мыс Горн.

² *Средний путь* (англ. Middle Passage) — работорговый океанский маршрут из Африки в Вест-Индию.

И пока мы стояли на якоре, я все время прятался и только перед самым выходом в море тайком пробирался опять на судно.

— Отчего же?

— Из-за команды. Матросы поклялись отомстить мне — грозились убить меня за то, что я учил их по-своему, что значит быть настоящими моряками. А сколько раз меня ловили! Сколько штрафов пришлось уплатить за меня капитану! И все-таки только благодаря моей работе судно приносило огромные барыши.

Он поднял свои чудовищные лапы, и, взглянув на уродливые, исковерканные суставы его пальцев, я понял, в чем состояла его работа.

— Теперь всему этому пришел конец, — проговорил он грустно. — В наше время матрос — джентльмен. Не смеешь даже голос возвысить — не то что руку на него поднять.

В эту минуту его окликнул с юта второй помощник, среднего роста, коренастый, гладковыбритый блондин.

— Показался пароход с командой, сэр, — доложил он.

— Ладно, — пробурчал мистер Пайк и добавил: — Сойдите к нам, мистер Меллар, познакомьтесь с нашим пассажиром.

Я не мог не обратить внимания на особенную манеру, с какой мистер Меллар спустился с кормовой лестницы и принял участие в церемонии представления. Он был по-старомодному чрезвычайно учтив, сладкоречив до приторности, и можно было безошибочно сказать, что он уроженец Юга.

— Вы южанин? — спросил я его.

— Из штата Джорджия, сэр.

Он поклонился и улыбнулся, как может кланяться и улыбаться только южанин.

Черты и выражение его лица были мягки и симпатичны, но такого жестокого рта я никогда еще не видел на человеческом лице. Это был не рот, а рваная рана. Я не могу придумать лучшего сравнения для этого грубого, бесформенного рта с тонкими губами, так мило произносившего приятные вещи. Невольно взглянул я на его руки. Как и у старшего помощника, они были уродливы, ширококостны, с исковерканными суставами пальцев. Я заглянул в его голубые глаза. Снаружи они выглядели как будто затянутыми пленкой мягкого света, говорившего о добродушии и сердечности, но чувствовалось, что за этим обманчивым флером не найдешь ни искренности, ни пощады. В глубине этих глаз сидело что-то холодное и страшное, что-то кошачье, враждебное и смертоносное; оно притаилось и ждало, выслеживая добычу. За этой светлой пленкой общительности была своя жизнь — жестокая жизнь, превратившая этот рот в рваную рану. То, что я увидел в глубине этих глаз, заставило меня содрогнуться от отвращения.

Пока я смотрел на мистера Меллара, разговаривал с ним, улыбался и обменивался любезностями, у меня было такое чувство, точно я стою в дремучем лесу и знаю, что откуда-то из темноты за мной следят невидимые глаза хищного зверя. Говорю от чистого сердца: меня серьезно пугало то, что сидело в засаде в черепе мистера Меллара. Обыкновенно бывает так, что лицо и вообще внешность человека мы отождествляем с его внутренней сущностью. Но я не мог это сделать по отношению ко второму помощнику капитана. Его лицо, его манера держаться, его мягкое обращение были одно, а за ними скрывался он сам — создание, не имевшее ничего общего с этой внешностью.

Я заметил, что Вада стоит в дверях каюты, по-видимому выжидая момента, чтобы обратиться ко мне за инструкциями. Я кивнул ему и хотел войти за ним в каюту. Но мистер Пайк быстро взглянул на меня и сказал:

— На одну минутку, мистер Патхерст.

Он отдал какие-то приказания второму помощнику, тот повернулся кругом и отошел. Я стоял и ждал, что скажет мне мистер Пайк, но он заговорил только тогда, когда убедился, что второй помощник не может услышать его. Тогда он склонился ко мне и сказал:

— Пожалуйста, никому не говорите о моем возрасте. Я ежегодно убавляю в договоре мои года. Теперь официально мне пятьдесят четыре года.

— Да вы ни на один день не кажетесь старше, — вставил я из любезности. Впрочем, я искренне так думал.

— Я и не чувствую себя старше. Я и в работе, и в спорте перещеголяю самого прыткого из нынешней молодежи... Так я очень вас прошу, мистер Патхерст: ради бога, чтобы никто не знал, который мне год. Шкипера не слишком-то ценят помощников, которым подвалило под семьдесят. Да и владельцы судов тоже. Я возлагал большие надежды на это судно и, вероятно, получил бы его, не вздумай наш старик опять пуститься в море. Как будто ему нужны деньги! Старый скряга!

— А он богат? — спросил я.

— Богат?! Да будь у меня десятая часть его денег, я ушел бы на покой. Купил бы в Калифорнии хорошенькое ранчо, разводил бы цыплят и жил бы себе припеваючи, — да будь у меня не то что десятая, а хоть пятидесятая часть тех денег, которые он засаливает впрок! Ведь у него паи во всех торговых судах

Блэквуда, а блэквудским судам всегда была удача — они неизменно приносят хорошую прибыль. А я старею, и уже пора бы мне быть командиром судна. Так нет же: приспичило этому старому хрену идти в море именно тогда, когда мне очищалось теплое местечко.

Я опять направился было в каюту, и опять он меня остановил:

— Мистер Патхерст! Так вы не проговоритесь насчет моего возраста?

— Нет, мистер Пайк, конечно нет, будьте спокойны, — сказал я.

ГЛАВА III

Продрогнув до костей, я с особенным удовольствием ощутил уют и тепло каюты. Все двери в смежные каюты были открыты, образуя длинную анфиладу комнат. Выход на палубу с левой стороны вел через просторный коридор, устланный ковром. В этот коридор с левой его стороны выходило пять кают: каюта старшего помощника — первая от входа; затем две офицерские каюты, превращенные в одну — для меня; за ними каюта буфетчика и, наконец, последняя в ряду офицерская каюта, отведенная под кладовую для платья и белья.

По другую сторону коридора тянулся ряд кают, с которыми я еще не успел ознакомиться, хотя и знал, что там помещаются столовая, ваннные комнаты, каюткомпания, представлявшая обыкновенную просторную жилую комнату, и капитанская каюта. Там же, очевидно, была и каюта, где помещалась мисс Уэст. Было слышно, как она напевала какую-то арию, распаковывая свои вещи. Кладовая буфетчика, отделенная от остального помещения боковыми коридора-

ми и лестницей, выходявшей через кормовую палубу в каюту, где хранились морские карты, помещалась в стратегическом центре всех его операций. Так, справа от нее были каюты капитана и мисс Уэст, прямо за ней — столовая и кают-компания, а слева ряд кают, уже описанных мною, из коих две занимал я.

Я прошел до конца коридора в сторону кормы и через открытую дверь проник во внутреннее кормовое помещение судна, представлявшее собой одну очень большую каюту, не менее тридцати пяти футов от борта до борта и от пятнадцати до восемнадцати футов в длину, и имевшее, разумеется, неправильную форму, соответствовавшую очертаниям кормы. По-видимому, эта каюта служила складом судовых принадлежностей. Я заметил несколько кадок для воды, свертки парусины, много ящиков, подвешенные к потолку окорока и сало, лестницу, которая вела на кормовую палубу через маленький люк и другой люк в полу.

Я заговорил с буфетчиком. Это был старик-китаец с безбородым лицом, удивительно подвижным. Имени его я не запомнил, а его возраст в договоре был обозначен цифрой пятьдесят шесть.

— Что там такое внизу? — спросил я его, указывая на люк в полу.

— Лазарет, — ответил он.

— А кто здесь обедает? — И я указал на стол с двумя привинченными к полу стульями.

— Здесь вторая столовая. Второй помощник и плотник едят за этим столом.

Отдав последние распоряжения Ваде насчет расстановки моих вещей, я взглянул на часы. Было еще рано — семь минут четвертого, — и я опять поднялся на палубу, посмотреть на прибытие команды.

Собственно, к посадке матросов на судно я опоздал, но, подходя к средней рубке, я столкнулся с несколькими отставшими людьми, еще не успевшими пройти на бак. Все они были пьяны, и более жалких, отвратительных оборванцев мне не случилось видеть даже на самых глухих, самых грязных улицах предместий. Все были в лохмотьях. У всех были опухшие лица, в грязи и кровоподтеках. Не скажу, что они производили впечатление отъявленных негодяев. Они просто были так грязны, что противно было смотреть на них. Отталкивающими были и внешность их, и манера говорить, и движения.

— Эй, вы! Живее! Живее! Тащите на место ваш скарб!

Мистер Пайк выкрикнул эти слова с верхнего мостика. Изящный, легкий мостик из стальных прутьев и тонких досок тянулся по всей длине «Эльсиноры», начинаясь на корме, проходя над средней рубкой и баком и кончаясь у самого носа судна.

Услышав команду начальника, люди обернулись, подняли головы и с угрюмым видом посмотрели на него. Двое или трое лениво двинулись дальше, исполняя приказание. Остальные прекратили свои пьяные переборы и продолжали молча смотреть на мистера Пайка. А один, с таким блинообразным лицом, точно какой-то полоумный бог, создавая его, приплюснул ему нос шутки ради (я узнал потом, что звали его Ларри), громко захохотал и с дерзким вызовом сплюнул на палубу. Затем с величайшей развязностью повернулся к товарищам и хриплым голосом спросил:

— Какого черта торчит там это гнилое полено?

Я видел, как огромное тело мистера Пайка судорожно дернулось помимо его воли и как напряглись мускулы его звериных лап, державшихся за перила. Однако он сдержался.

— Проходите, проходите, — сказал он. — Вы мне не нужны. Ступайте на бак.

Затем, к моему изумлению, он повернулся и пошел по мостику в другую сторону, к тому месту, где причалил пароходик. «Вот и вся его грозная расправа с матросами, которой он так хвастался», — подумал я. И только потом я припомнил, что, возвращаясь, я видел капитана Уэста: он стоял на корме, облокотившись на перила, и пристально смотрел вперед.

Концы канатов были отданы, и я с интересом следил за маневрированием пароходика, как вдруг, в тот момент, когда он, отчалив, задним ходом удалялся от нашего судна, со стороны бака послышался смешанный гул пьяных голосов. В общем гвалте можно было разобрать только три слова: «Человек за бортом». Второй помощник стремглав сбегал с кормовой лестницы и промчался по палубе мимо меня. Старший же помощник, все еще стоявший на выкрашенном белой краской, легком, как паутина, мостике, удивил меня проворством, с каким он пробежал по нему до средней рубки, вскочил в подвешенную за бортом, прикрытую брезентом шлюпку и перевесился за борт, чтобы лучше видеть. Прежде чем матросы успели добежать до борта, второй помощник догнал их и первым догадался бросить в воду веревку, свернутую кольцом.

Больше всего меня поразило это умственное и физическое превосходство обоих офицеров. Несмотря на солидный возраст — старшему помощнику было шестьдесят девять, а второму по меньшей мере пятьдесят лет, — и ум, и тело каждого из них действовали с быстротой и точностью стальных пружин. Эти были — сила. Эти были железные. Эти умели видеть, хотеть и действовать. По сравнению с людьми, бывшими у них в подчинении, они казались существами другой, высшей породы. Пока те, очевидцы случив-

шегоса, находившиеся тут же на месте, беспомощно метались и кричали, неуклюже карабкались на борт, раскидывая неповоротливым умом, что делать дальше, второй помощник успел спуститься с кормы по крутой лестнице, пробежать по палубе расстояние в двести футов, вскочить на перила и, улучив благоприятный момент, бросить в воду веревку.

Такого же характера и такого же достоинства было исполнено и поведение мистера Пайка. И он, и мистер Меллар были полновластными господами этого жалкого сброда в силу поразительной разницы в степени воли и умения действовать. Поистине, по своему развитию они отстояли от подчиненных им людей дальше, чем те от готтентотов или даже от обезьян.

Я между тем взобрался на битсы¹, откуда мне был хорошо виден человек в воде. По-видимому, он преспокойно плыл прочь от корабля. Это был очень смуглый человек — должно быть, с побережья Средиземного моря. Его искаженное лицо, насколько позволял судить брошенный мною на него беглый взгляд, было лицом сумасшедшего: черные глаза горели, как у маньяка. Второй помощник так ловко бросил свернутую кольцом веревку, что она упала ему через голову прямо на плечи, и с каждым взмахом рук он вновь и вновь запутывался в этой веревке. Когда же ему наконец удалось высвободиться, он принялся выкрикивать что-то дикое, и один раз, когда он поднял руки, потрясая ими в воздухе для пущей убедительности, в его правой руке блеснуло лезвие длинного ножа.

На пароходе ударили в колокол и пустились на выручку утопавшему. Я украдкой бросил взгляд в сторону капитана Уэста. Он перешел на левую сторо-

¹ Вертикальные стойки у мачт.

ну кормы и стоял там, заложив руки в карманы и поглядывая то вперед, на плывшего человека, то назад, на догонявший его пароход. Капитан не отдавал никаких приказаний, не проявлял никакого волнения и вообще имел вид самого что ни на есть безучастного зрителя.

Человек в воде теперь силился стащить с себя платье. Я видел, как из воды показалась сперва одна рука, голая до плеча, потом другая, тоже голая. В этой борьбе он иногда исчезал под водой, но всякий раз, поднимаясь на поверхность, размахивал ножом и выкрикивал какую-то бессмыслицу. Он даже попытался уйти от погони, ныряя и плывя под водой.

Я прошел на бак и подоспел как раз вовремя, чтобы видеть, как его поднимают на борт. Он был совершенно нагой, весь залитый кровью, — в припадке бешенства он нанес себе раны в нескольких местах. Из раны на кисти руки кровь брызгала с каждым биением пульса. Это было гнусное, почти нечеловеческое существо. Я как-то видел в зоологическом саду чем-то напуганного орангутана, и, честное слово, этот человеческий экземпляр со звериным лицом, гримасами и бессмысленным лопотаньем напомнил мне того орангутана. Матросы окружили его, старались успокоить, тащили за собой, и все это с хохотом и островами. Оба помощника расталкивали толпу. Наконец они схватили сумасшедшего и потащили по палубе в каюту средней рубки. Я не мог не заметить, какую чудовищную силу проявили они оба. Я слышал о сверхчеловеческой силе сумасшедших, но этот сумасшедший был словно пучок соломы в их руках. Как он ни бился, его все же втолкнули в каюту. Когда его уложили на деревянную скамью, мистер Пайк безо всякого усилия удерживал его одной рукой, а второго помощника отправил за марлей, чтобы перевязать ему раны.

— Сущий бедлам, — сказал мне с усмешкой мистер Пайк. — Немало видел я на своем веку сумасшедших матросов, но такого еще не встречал.

— Что вы хотите с ним делать? — спросил я. — Ведь он истечет кровью.

— А умрет — туда ему и дорога, — буркнул мистер Пайк. — С ним теперь не оберешься хлопот. Самое лучшее было бы отделаться от него. Когда он успокоится, я наложу ему швы. А успокоить его очень просто: дать в зубы — только и всего.

Я посмотрел на страшную лапу мистера Пайка и вполне оценил ее успокоительные свойства. Когда я снова вышел на палубу, то увидел на корме капитана Уэста: он стоял, по-прежнему заложив руки в карманы, и с равнодушным видом смотрел на северо-восток, где виднелся голубой просвет на облачном небе. Больше, чем оба капитанских помощника, больше, чем этот сумасшедший, больше, чем пьяная грубость команды, эта спокойная, с заложенными в карманы руками фигура дала мне почувствовать, что я попал в новый мир, о котором раньше не имел никакого понятия.

Мои размышления прервал Вада, которого прислала мисс Уэст — доложить мне, что в каюте подан чай.

ГЛАВА IV

Когда я вошел в каюту, меня поразили контраст между тем, что происходило на палубе, и тем, что я увидел здесь. Впрочем, все контрасты на «Эльсиноре» обещали быть поразительными. Вместо холодной, твердой палубы я почувствовал под ногами мягкий ковер. Вместо мизерной узкой каюты с голыми

железными стенами и полом, где я оставил сумасшедшего, я очутился в чудесном просторном помещении. В моих ушах еще звучали грубые крики, перед моими глазами еще стояла отвратительная картина — опухшие от пьянства, грязные лица, а тут мне улыбалась изящно одетая, с нежным личиком женщина, сидевшая за лакированным, в восточном вкусе столиком, на котором был расставлен прелестный чайный сервиз китайского фарфора. Тут царили тишина и покой. Буфетчик в мягкой обуви, с ничего не выражавшим лицом, ничем не напоминал о своем присутствии, скользил как тень, незаметно появляясь для какой-нибудь услуги и так же незаметно исчезая.

Я пришел в себя не сразу, и мисс Уэст, наливая мне чаю, засмеялась и сказала:

— У вас такой вид, точно вы увидели привидение. Буфетчик мне сказал, что там человек упал за борт. Надеюсь, что холодная вода отрезвила его.

Мне не понравился ее равнодушный тон.

— Этот человек — сумасшедший, и ему не место на судне, — сказал я. — Следовало бы отправить его на берег в больницу.

— Боюсь, что, если мы начнем так нянчиться с ними, нам придется отправить на берег две трети нашей команды... Вам один кусочек?

— Да, пожалуй... Но этот человек страшно изранил себя. Он может истечь кровью.

Пока она передавала мне чашку, ее серые глаза смотрели на меня серьезно и пытливо, но вдруг смех заиграл в этих глазах, и она неодобрительно покачала головой.

— Пожалуйста, мистер Патхерст, не начинайте нашего плавания с протестов. Такие вещи случаются на судах сплошь и рядом. Вы привыкнете. Вам, наверно, вспомнились какие-нибудь чудачки, которые

бросались в море с судна. А этот человек ведь спасен. Положитесь на мистера Пайка: он умеет перевязывать раны и присмотрит за ним. Я ни разу не плавала с мистером Пайком, но много слышала о нем. Он изрядный хирург. В прошлый рейс он, говорят, сделал удачную ампутацию и после этого так много возомнил о своем искусстве, что обратил свое благосклонное внимание на нашего плотника, который страдал чем-то вроде несварения желудка. Мистер Пайк был так твердо убежден в правильности своего диагноза, что пытался уговорить плотника, чтобы тот позволил удалить свой аппендикс. — Она залилась веселым смехом и потом добавила: — Говорят, будто он предлагал бедняге чуть ли не пятьдесят фунтов табаку, если тот согласится на операцию.

— Но не опасно ли... во время плавания... оставлять на судне сумасшедшего? — нерешительно заметил я.

Она пожала плечами, точно не желая отвечать, но потом все-таки сказала:

— Нет, это пустяки. Среди каждой судовой команды найдется несколько сумасшедших или идиотов. И все они всегда являются на борт насквозь пропитанные водкой, в пьяном бреде. Один раз, помню, — это было давно, мы тогда выходили в море из Сиэтла, — у нас на судне оказался такой безумец. Сначала он не проявлял никаких признаков сумасшествия. Но вдруг подошел к двум агентам мореходной конторы, схватил их за руки и вместе с ними спрыгнул за борт. Мы в тот же день вышли в море, и я не знаю, нашли ли их тела. — И она опять пожала плечами. — Что вы хотите? Море сурово, мистер Патхерст. А в нашу команду мы набираем людей самого худшего сорта. Я иной раз удивляюсь, где они выкапывают таких. Мы делаем все, что можем, натаскиваем их по

мере наших сил и как-то ухитряемся заставить их помогать нам выполнять нашу работу в этом мире. Но плохи они... очень плохи.

Слушая, я изучал ее лицо, сравнивал ее женственную грацию и прелестный костюм с грубыми лицами, размашистыми жестами и лохмотьями тех людей и не мог в душе не признать ее правоты. И тем не менее меня покоробили жесткость и равнодушие, с какими она высказывала свои взгляды. Именно потому, что она была женщина, столь не похожая на тех вырожденков, мне было обидно за нее — обидно, что она получила такое суровое воспитание в школе жизни моряков.

— Я не мог не заметить... хладнокровия, с которым ваш отец встретил это происшествие, — рискнул обронить я.

— Ни разу не вынул рук из карманов? — подхватила она. И когда я кивком подтвердил ее слова, глаза ее весело сверкнули. — Я так и знала. Это всегдашняя его манера. Я так часто это видела, что уже привыкла. Помню... мне шел тогда тринадцатый год... мы плыли в Сан-Франциско, а мама оставалась дома. Шли мы на «Дикси». Это большое судно, почти такое же, как «Эльсинора». Дул сильный попутный ветер, и отец решил войти в залив без буксирного парохода. Мы держали курс через Золотые Ворота прямо на внутренний рейд Сан-Франциско. Кроме ветра, нас подгоняло быстрое течение, и людям обеих смен было приказано крепить паруса.

И вдруг... Виноват был капитан одного парохода. Он не рассчитал нашей скорости, желая перерезать нам путь. Произошло столкновение: «Дикси» врезалась носом прямо в бок пароходу, разворотила кузов и начисто снесла каюты. На пароходе было несколь-

ко сотен пассажиров — мужчин, женщин и детей. Отец спокойно стоял на палубе, не вынимая рук из карманов. Он послал на бак помощника присмотреть за спасением пассажиров (многие из них уже карабкались на бушприт нашей «Дикси») и таким тоном, точно просил передать ему хлеб или масло, приказал второму помощнику поставить все паруса. Он даже объяснил ему, с каких парусов начинать.

— Зачем же нужны были паруса? — перебил я ее.

— Этого требовало создавшееся положение, и отец это видел. Вы понимаете, пароход был перерезан пополам. Он в один миг пошел бы ко дну, если б его не удерживал нос нашего судна, врезавшийся ему в бок. И тем, что мы подняли все паруса и шли полным ходом, мы не давали ему высвободиться и затонуть. Я страшно испугалась. Люди, спрыгнувшие или упавшие в воду, со всех сторон тонули на моих глазах, а мы все шли, не убавляя хода. Я взглянула на отца. Он был такой же, каким я его знала: руки в карманах, не спеша, ровным шагом ходит по палубе. Отдаст какое-то приказание рулевому (ему ведь надо было провести «Дикси» между скопившимися в заливе судами), посмотрит на спасшихся пассажиров, что толпились у нас на палубе, и опять смотрит вперед, выбирая путь между стоящими на якоре судами. А иногда взглянет и на несчастных, тонувших на наших глазах, но без малейшего волнения, совершенно спокойно... Конечно, утонуло много народу, но своим хладнокровием — вот именно тем, что он держал руки в карманах, — отец спас сотни человеческих жизней. Только тогда, когда на пароходе не осталось ни одного человека (он посылал людей удостовериться в этом), было приказано убрать часть парусов. И пароход тотчас же затонул.

Она замолчала и, ожидая одобрения, смотрела на меня сиявшими глазами.

— Да, это было великолепно, — согласился я. — Я преклоняюсь пред спокойствием людей с сильной волей, хотя, признаюсь, такое спокойствие в критических случаях кажется мне чем-то нечеловеческим, противоестественным. Я представляю себя на месте вашего отца и чувствую, что не мог бы держать себя как он. Я убежден, например, что, пока этот бедняга был в воде, я страдал за него гораздо больше, чем все остальные зрители, вместе взятые.

— Отец тоже страдает, только виду не подает, — заступилась она за него, как преданная дочь.

Я молча наклонил голову: я почувствовал, что она не понимает меня.

ГЛАВА V

Когда я после чая вышел из каюты на палубу, буксирный пароход «Британия» был уже хорошо виден. Он должен был вывести нас из Чесапикского залива в открытое море. Я прошел на бак. Там Сандри Байерс, по своему обыкновению нежно прижимая обе руки к животу, выгонял матросов на работу. Ему помог в этом другой человек, и я спросил мистера Пайка, кто это такой.

— Это Нанси, мой боцман. Правда молодец мужчина? — последовал быстрый ответ, и по тону мистера Пайка я догадался, что это было сказано в насмешку.

Нанси было лет тридцать, не больше, хотя по его виду можно было подумать, что он живет на свете очень давно. Беззубый, с вялыми движениями усталого человека, с мутными глазами цвета аспидной

Лондон Дж.

Л 76 Мятаж на «Эльсиноре» : роман / Джек Лондон ; пер. с англ. М. Шишмаревой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 416 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-10954-4

События романа Джека Лондона «Мятаж на „Эльсиноре“» (1914) разворачиваются на парусном судне, которое совершает полугодовое плавание с грузом угля вокруг Северной и Южной Америки. По собственной прихоти на борту этого корабля оказывается Джон Патхерст — тридцатилетний преуспевающий писатель, пресыщенный жизнью и желающий рассеять скуку будней. Он попадает в общество капитана Уэста, его миловидной дочери Маргарет и двух его помощников, которых окружает более чем странная команда, состоящая из пьяниц, калек, сумасшедших и прочих сомнительных личностей, набранных на берегу в последнюю минуту. Но есть в ней и другие люди: умные, смелые, жестокие, готовые пойти на любое преступление. Именно они после внезапной смерти капитана поднимают на борту «Эльсиноры» бунт, который заставляет Джона выйти из роли стороннего наблюдателя и открывает его истинную натуру лидера — сильного, волевого и мужественного... В Советском Союзе этот роман более шестидесяти лет пребывал под фактическим запретом из-за отчетливо нищенского характера авторских идей, а в США и Европе в 1920–1930-е годы по его мотивам было снято три художественных фильма.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕК ЛОНДОН
МЯТЕЖ НА «ЭЛЬСИНОРЕ»

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Нина Тюрина, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 31.10.2017. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AKB-18985-02-R